

РЕФЛЕКСИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ И НАУЧНОМ ОСМЫСЛЕНИИ

И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений МИД РФ.
119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье проводится сравнение российского официального и экспертного внешнеполитических дискурсов на примере осмысления одной из важнейших характеристик глобальной системы – соотношения центров силы и принципов выстраивания отношений между ними. Автор предпринимает попытку выявить действительный и возможный вклад исследователей в отечественный внешнеполитический процесс. Концептуальные документы и программные выступления руководства страны конструируют «полицентричный мир» в качестве самостоятельной аксиологической ценности, лежащей в основе её внешней политики. При этом до конца 2000-х гг. его построение представлялось как желательная, но отдалённая перспектива. С конца десятилетия возрастают ожидания относительно её реализации и, одновременно, начинают проявляться свидетельства более критического отношения к ней. Для большей части российского экспертного сообщества характерно признание прескриптивного значения полицентричной организации системы при одновременном позитивном ожидании его формирования как почти неизбежной перспективы. При этом игнорируются западные теоретические построения, которые ассоциируют с возникновением множества центров силы повышение нестабильности мирового порядка. Статья демонстрирует, что и в политическом руководстве, и в экспертном сообществе под «полицентричным миром» понимается специфическая версия международной системы (исторически относительно редкая), которая может быть обозначена как «концерт». Она предполагает не только наличие паритета силовых потенциалов группы государств, но и отсутствие серьёзных противоречий между ними. Одновременно в российском исследовательском сообществе присутствует и критическая традиция, заостряющая риски децентрализации системы. Между тем в большинстве случаев отечественные авторы выделяют ограниченный набор игроков, способных к проецированию влияния на глобальном уровне (не более трёх-четырёх). В российских исследованиях международной системы сохраняется плюрализм мнений относительно направлений эволюции международного порядка. В то же время за рамками публикуемых работ остаётся ряд фундаментальных вопросов организации международных взаимодействий.

Ключевые слова: международная система, внешнеполитический дискурс, эпистемические сообщества, полицентричный мир, однополярность, исследовательское сообщество, политический дискурс, внешняя политика, Россия, США, центры силы, ведущие мировые державы, соотношение сил.

Каналы воздействия исследовательского сообщества на внешнюю политику страны отследить непросто. Зачастую они носят закрытый характер или влияние осуществляется косвенно – через посредников. Тем не менее сам факт перетекания моделей осмысления, онтологических представлений и конкретных рекомендаций из экспертных кругов в практику национального поведения имеет многочисленные подтверждения [39]. Частным, но ярким примером из недавнего отечественного опыта представляется фактический отказ в официальном дискурсе от словоупотребления «многополярный мир» в пользу «полицентричной системы» – терминологическое уточнение на протяжении длительного времени отстаивавшееся российскими международниками [1, с. 22-29].

Наблюдаемый переток побуждает заниматься сопоставительным анализом картин мира практиков, вовлечённых в формулирование и реализацию российской внешней политики, и исследователей, занимающихся осмыслением международных процессов. В настоящей статье делается попытка провести сравнение на частном примере осмысления одной из важнейших характеристик глобальной системы – соотношения центров силы и принципов выстраивания отношений между ними.

Подобный анализ предпринимается на базе положений конструктивистской парадигмы теории международных отношений, выявляющих зависимость политического поведения игроков от идейных структур, формирующихся в процессе intersubjectивных практик осмысления материальных характеристик международной среды. Непосредственные теоретические основания работы составляет теория «эпистемических сообществ» П. Хааса, утверждающая, что в процессе социальных взаимодействий формируются группы внутренних и внешних экспертов, разделяющих общие нормативные убеждения, стандарты валидности и представления о причинно-следственных связях [39]. Поддерживаемый ими эпистемический консенсус транслируется в систему принятия политических решений и задаёт идейные рамки осуществления внешней политики государства.

В статье представлена характеристика современного и желаемого состояний международной среды в российских официальных документах. После этого анализируются наиболее заметные отечественные публикации по изучаемой тематике с целью выявления степени согласованности взглядов политического руководства и экспертного сообщества, а главное того вклада, который последнее может внести в дополнение картины мира представителей государственной власти.

При изучении отечественных подходов к осмыслению современного состояния и пер-

спектив эволюции международной системы также рассматриваются теоретические разработки западных (преимущественно американских) авторов. Учитывая, что подходы США к вопросам глобального регулирования – главный объект критики Москвы, сопоставление с ними представляется полезным для выявления возможных пробелов в аргументации российских авторов.

В отечественной литературе нет недостатка в дискурсивных исследованиях внешнеполитического сознания [19]. Имеются и солидные хрестоматии, позволяющие провести сопоставление позиций различных авторов [7]. Вместе с тем попыток структурированного сравнения официального и экспертного дискурсов относительно состояния международной системы в последнее десятилетие не предпринималось¹.

В настоящей работе предпринимается попытка реконструкции двух дискурсивных практик (официальной и экспертной) и их сопоставления. Наряду с определением степени согласованности относительно состояния международного порядка, автор стремится к выявлению добавочных знаний в работах отечественных авторов, которые могут дополнить или скорректировать представления политического руководства страны в отношении структуры международной системы.

Дилеммы организации международной системы во внешнеполитических выступлениях

Ключевым инструментом ретрансляции российской официальной позиции выступают регулярно обновляемые концепции внешней политики. Кроме того, государственный подход к объяснению современного состояния международной среды находит отражение в программных выступлениях политического руководства страны. Анализ этих документов позволяет выявить как устойчивые структуры национального внешнеполитического дискурса по вопросам формирования международного порядка, так и динамику эволюции их восприятия.

После распада Советского Союза в основе российской внешнеполитической идеологии утвердилось представление о желательности построения полицентричного (или многополярного) мира [3, с. 60]. С его становлением связывалась демократизация международного порядка. Обеспечение адекватного представительства многочисленных интересов всё более разнородного мира определяется в качестве условия достижения справедливости в нём [27, с. 3].

Таким образом, во внешнеполитическом дискурсе полицентричной организации международной системы придаётся аксиологическое значение. Вместе с тем подобное отношение

¹ Сопоставление на материале 1990-х – начала 2000-х гг. см. [34, с. 50-92], [5, с. 10-13].

■ Исследовательские статьи

вскрывает представление о «многополярности/полицентричности» как о сложном явлении, а не просто примерном равенстве потенциалов группы государств. В действительности под ним понимается специфический тип политического порядка, который в исторической литературе именуется «концертом» [2, с. 3-18].

Наряду с наличием сопоставимых центров силы, такая форма организации международной системы предполагает высокую кооперативность [45]. В российских внешнеполитических выступлениях неоднократно подчеркивался примат взаимовыгодного сотрудничества между государствами как важнейшей характеристики полицентричной системы. В качестве исторического примера практически воплощения такого рода организации мира рассматривался «европейский концерт», который обеспечивал стабильность в международных отношениях на протяжении значительной части XIX столетия [40, с. 38-70].

Оценка степени соответствия международной системы заявленному идеалу с течением времени претерпевала существенные изменения. Российское внешнеполитическое мышление чутко реагировало на изменение международной среды, стремясь сопрягать прагматику отражения реального положения дел с ориентацией на достижение желаемого положения. В этой связи Москва в официальных выступлениях никогда открыто не признавала однополярности как политической реальности, при этом сохраняя за собой право критиковать Вашингтон за проведение гегемонистского курса [27, с. 4-6].

Подобное противоречие преодолевалось за счёт представления амбиций США как не имеющих реальных оснований. Тем не менее в Концепции внешней политики 2000 г. – в период, когда Соединённые Штаты находились на пике международного влияния и авторитета – при характеристике современного положения отмечалось, что «усиливается тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. При решении принципиальных вопросов международной безопасности ставка делается на западные институты и форумы ограниченного состава, на ослабление роли Совета Безопасности ООН» [14].

По следам войны в Югославии, решение о начале которой принималось странами НАТО в отсутствие мандата Совета Безопасности ООН [11], с доминированием Соединённых Штатов связывались перспективы дестабилизации международной системы: «Стратегия односторонних действий может дестабилизировать международную обстановку, провоцировать напряженность и гонку вооружений, усугубить межгосударственные противоречия, национальную и религиозную рознь» [14].

Ко второй половине 2000-х гг. провальные результаты интервенции Соединённых Штатов

в Ираке и вхождение Америки в полосу финансово-экономического кризиса привело к тому, что характеристика развития международной системы изменилась кардинально. Стремительный экономический рост «восходящих» стран, в число которых входила и Россия, позволил рассчитывать на реализацию идеала «концерта» – об этом президент страны прямо заявлял в 2007 г. на международной конференции по безопасности в Мюнхене: «...*надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь осязательно и столь быстро меняется – меняется за счёт динамичного развития целого ряда государств и регионов... Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность. В этой связи серьёзно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств» [29].*

В то же время сохранение существенно преобладания США в мировом хозяйстве, конвенциональных вооруженных силах и международных институтах заставляло Москву сохранять большую долю осторожности в оценках. В этой связи обновленная версия Концепции внешней политики 2008 г. утверждала, что происходит «*наращивание экономического потенциала новых центров глобального роста, связанное в том числе с более равномерным распределением ресурсов развития вследствие либерализации мировых рынков. Экономический подъём в таких странах и регионах конвертируется в их политическое влияние, при этом дальнейшее развитие получает тенденция к полицентричному миропорядку*» [15]. Таким образом, переход к желаемому «концерту» рассматривался по-прежнему как возможность, а не уже достигнутый результат.

Развитие финансово-экономического кризиса, дальнейшее сокращение разрыва потенциалов между США и другими крупными игроками, успехи в развитии формата БРИКС позволили Москве в последующие годы более уверенно определять новый формат международной системы. Концепция внешней политики 2013 г. в этой связи утверждает: «*Международные отношения переживают переходный период, существо которого заключается в формировании полицентричной международной системы*» [16].

Если в предыдущих версиях документа в качестве безальтернативной тенденции мирового развития рассматривалась глобализация, в новой редакции на первый план выдвинута регионализация, которая увязывается с усиле-

нием незападных держав: «В условиях децентрализации глобальной системы управления укрепляется её региональный уровень как основа наряду с ООН - полицентричной модели, воплощающей многообразие мира, его неоднородность и многоукладность. Новые центры экономического роста и политического влияния всё чаще и увереннее берут на себя ответственность за дела в своих регионах» [16].

Вместе с тем в 2010-х гг. процесс децентрализации международной системы, который ранее рассматривался в качестве исключительно позитивного явления, начинает связываться с рядом политических рисков. Сразу после тезиса о переходе к полицентричному миру Концепция 2013 г. признает: «Этот процесс проходит непросто, сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях. Международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится всё более труднопредсказуемым» [16].

Ранее в российских внешнеполитических выступлениях не раз отмечалось расширение спектра новых вызовов и угроз, рост волатильности международной среды, снижение прогнозируемости политических взаимодействий, но эти явления рассматривались отдельно – как несвязанные с перспективами становления полицентричной системы. Напротив, министр иностранных дел С.В. Лавров в статье 2007 г. предостерегал: «совершенно неоправданно ставить знак равенства между многополярностью и заряженностью на конфронтацию. Да, появляются новые «центры силы». Они соперничают друг с другом, в том числе и за доступ к природным ресурсам. Так было всегда, и ничего фатального в этом нет. Неформальное коллективное лидерство ведущих государств мира, складывающееся в дополнение к международным институтам, прежде всего к ООН, позволяет приблизиться к решению проблемы управляемости в современном мире» [23, с. 10].

В 2016 г. глава российского дипломатического ведомства расставлял акценты по-другому: «Даже в случае, если бы идея построения многополярного мира получила универсальную поддержку, её реализация была бы крайне трудным делом, представляла бы собой задачу беспрецедентной сложности, предполагающую выход на принципиально новый уровень ответственности, дальновидности и политической воли» [22].

Ещё более определено относительно рисков нестабильности, связанных непосредственно с трансформацией системы, высказался президент В. Путин в Валдайской речи 2014 г.: «Вместе с тем формирование так называемого полицентричного мира, тоже хотел бы обратить на это внимание, уважаемые коллеги, само по себе не укрепляет стабильность, скорее даже напротив. Задача достижения глобального равновесия превращается в достаточно сложную

головоломку, в уравнение со многими неизвестными» [28].

Таким образом, не отказываясь от восприятия полицентричного мироустройства в качестве желаемой модели, Москва с конца 2000-х гг. скорректировала представление о её стабилизирующем эффекте на международные отношения. По мере нарастания децентрализации мирового порядка всё более явно стали проступать недостатки практической реализации идеальной схемы, связанные с особенностью её самой, а не с экзогенными переменными (такими как единоличное противодействие США).

Первоначально, основные риски перераспределения сил связывались практически исключительно с попытками Запада закрепить или сохранить собственное доминирование и расхождения этих устремлений с объективными тенденциями мирового развития. Последние же заявления российского руководства сигнализируют признание фундаментальных проблем на пути построения международного «концерта».

Нарастание противоречий между верой в аксиологическую ценность полицентричной системы и осознанием практических сложностей в её реализации расширяет возможности для вклада отечественного исследовательского сообщества в их объяснение и поиска таких способов преодоления, которые могли бы быть взяты на вооружение политическим руководством страны.

Концептуальные проблемы организации полицентричной системы в исследовательских работах

Имплицитные пробелы и противоречия в осмыслении текущего и желаемого состояния международной системы в официальном дискурсе открывают поле работы для исследователей. Их конструктивный вклад в повышение информированности российского внешнеполитического сознания может быть связан с решением фундаментальных концептуальных и эмпирических проблем осмысления наблюдаемых и вероятных изменений.

В первую очередь, он может заключаться в теоретическом объяснении преимуществ и недостатков полицентричной системы, тем самым способствуя научному подкреплению сложившихся идеологических представлений или подталкивая к их корректировке. Вторых, анализ текущих международных процессов может способствовать подтверждению или опровержению утвердившейся гипотезы о переходном положении мира на пути к международному «концерту».

В западной исследовательской литературе на протяжении второй половины XX столетия отсутствовало согласие относительно того, какой тип распределения потенциалов в мире был бы оптимальным для поддержания стабильности. В то время как теоретики «баланса сил»

■ Исследовательские статьи

ратовали за биполярную модель [48], представители «теории силового транзита» [43, 44] считали, что сохранению системного порядка больше всего способствует наличие гегемонии. В то же время они были согласны в том, что наименее предпочтительная форма политической организации – полицентричный мир.

Предположение о его структурной нестабильности обуславливалось предположением о повышении уровня неопределенности по мере увеличения числа держав, обладающих сопоставимыми потенциалами. В условиях отсутствия гарантий выполнения игроками ранее взятых на себя обязательств и наличия множества альтернативных возможностей для создания коалиций, адекватная оценка соотношения сил, а значит, и выбор оптимальной политической стратегии, становится затруднительными [37].

Кроме того, по мере расширения группы сопоставимых центров силы вероятность совпадения их интересов снижается, а значит, сокращается переговорное поле для достижения компромисса между всеми влиятельными участниками международной системы. При этом западные авторы не исключают, что структурные недостатки полицентричной системы могут сглаживаться консолидацией перед общей угрозой (риски должны быть столь высокими, чтобы у государств пропал соблазн занять позицию «безбилетника») или искусной дипломатией [36], [45].

В российских научных публикациях подобная структурная логика впрямую практически не упоминается и детально не рассматривается². Игнорирование неудобных для Москвы положений западной теории оставляет отечественную политическую позицию незащищённой перед лицом возможной критики. В то же время в российском экспертном дискурсе обсуждение последствий децентрализации международной системы включает точки зрения, существенно расходящиеся с официальной государственной позицией.

Существенную долю публикаций отечественных специалистов составляет критика политики одностороннего доминирования Соединённых Штатов. Её обоснование весьма схоже с риторикой политического руководства страны. В первую очередь, США обвиняют в подрыве основ международного порядка в рамках стратегии односторонних действий и дестабилизации отдельных стран и целых регионов в результате попыток реализации собственной идеологической программы [30], [33, с. 7].

Полицентричная система представляется в качестве альтернативы, которая позволила бы ограничить гегемонистские устремления одной державы и их разрушительные последствия. При этом в подобной позиции нередко присутствует логическая аберрация. Признаки Соединёнными Штатами необходимости

соотносить свои действия с позицией других держав представляется предпосылкой установления полицентричного порядка. Между тем, в случае расхождения интересов Вашингтона и иных игроков в рамках реалистской логики только наличие эффективного силового баланса способно удержать его от односторонних действий.

В то же время отечественный специалист В. Никонов ещё в первой половине 2000-х гг. отмечал, что стремление Вашингтона к единоличному доминированию вступает в противоречие с тенденцией к усилению других государств [26]. Таким образом, угрозы стабильности связываются с расхождением объективных процессов и внешнеполитических устремлений Вашингтона. Схожая логика, как было показано раньше, характерна и для российской официальной риторики.

Отдельные отечественные авторы выделяют различные события в качестве «точки расхождения» американских ожиданий построения моноцентричного мира и реальности: в то время как для одних в качестве таковой выступают теракты 11 сентября 2001 г. [18], для других – результаты авантюры в Ираке [4]. Впоследствии, как было отмечено выше, этот тезис был взят на вооружение российским политическим руководством.

В работах, посвящённых вопросам организации международной системы, также присутствует влиятельный нормативный компонент. Значительное место во многих из них уделяется принципу справедливости, который полицентричный порядок воплощает в большей степени, чем альтернативные модели. Подобный тезис наиболее явно представлен в работах сторонников маргинальных в научном плане концепций, таких как идеолог евразийства А. Дугин [10]. Вместе с тем в имплицитной форме он остаётся весьма распространённым в отечественных публикациях.

Несмотря на богатый пласт публикаций, отстаивающих предпочтительность полицентричной системы организации мира, в них практически отсутствует ответ на наиболее острые тезисы западной критики подобного типа порядка. В то же время в них содержится указание на деструктивные последствия игнорирования интересов растущего числа влиятельных игроков – оно уже сегодня приводит к усилению конфликтности в системе [8].

Одновременно, в отечественных исследованиях присутствует и интеллектуальная традиция, представители которой предупреждают о дестабилизирующих последствиях децентрализации международной системы [9, с. 165]. Её радикальным выражением становится предположение о «хаотизации» мира, которая формирует растущие риски, в том числе для России [12].

---

² Исключение составляет [31, С. 166].

Несмотря на то, что рост энтропии представляется более широким явлением, связанным не только с перераспределением влияния между государствами на мировой арене, его компонентом выступает и риск обострения конкуренции между ведущими центрами силы [4, с. 5]. С ней связывается снижение управляемости в международной системе и перспективы расширения дефицита власти. Подобные оценки вписываются в логику западных теорий международного порядка, хотя и не содержат однозначной увязки нестабильности с полицентричной моделью, которая присутствует у ряда неореалистов.

В качестве ответа на вызовы обострения международной конкуренции ряд авторов ещё в 1990-х и начале 2000-х гг. предлагал идею консолидации новых возвышающихся держав вокруг уже существующей западной коалиции [21, 20, 13]. Значимым результатом подобного сближения стало бы приобщение развивающихся стран и России к наиболее успешным в глобальном масштабе экономическим, политическим и социальным моделям, а также доступ к технологиям. По мнению других специалистов, оно бы создало возможности для противодействия растущим новым нетрадиционным вызовам.

В одних работах подобная перспектива обозначается в качестве модифицированной «биполярности» (где одним из полюсов выступают антисистемные негосударственные игроки). В других – в качестве «полицентричной однополярности». Схожая идея консолидации держав на основе противодействия террористическим, экстремистским, финансовым, экологическим, климатическим вызовам постулируется более оптимистично оценивающими возможности полицентричной системы экспертами. Они выражают уверенность, что межправительственные противоречия в современных условиях уступают по значимости место новым вызовам, имеющим негосударственную природу [26, 8].

В то же время такие оценки, согласующиеся с российской официальной позицией, не получили системного обоснования. Они принимались в качестве данности. Между тем, в зарубежной литературе присутствует объяснение фокусирования правительств в последнее десятилетие на негосударственных вызовах в качестве временной aberrации в условиях временного снижения конкурентности международной среды.

Государства могли позволить себе уделять непропорционально большое внимание вызовам «третьего порядка», исходящим от нестабильности в бедных странах в связи с существенным диспаритетом в распределении

потенциалов [47]. По мере децентрализации международной системы, в рамках этой логики, будет происходить восстановление традиционных межгосударственных дилемм безопасности. Более того, даже в условиях существенной асимметрии потенциалов «большая глобальная коалиция», возникшая после терактов 11 сентября 2001 г. просуществовала меньше двух лет. После этого попытки балансирования в отношениях между государствами вновь стали усиливаться³.

Высказываемые опасения критиков требуют внимания и ответа со стороны приверженцев идеи построения системы «концерта», так как подрывают центральные положения обоснования возможности его формирования. Вместе с тем это не единственное слабое звено представлений о перспективах возникновения полицентричного мира. Не меньшее значение для оценки его реализуемости имеет дискуссия относительно степени перераспределения потенциалов в современном мире. По этому вопросу представители отечественного исследовательского сообщества отметились в последние годы рядом разработок.

Российские подходы к оценке потенциалов центров силы

Представители российского политического руководства неоднократно обращали внимание на перераспределение экономического богатства как предпосылку расширения влияния западных государств, прежде всего, участников БРИКС. Между тем, описание современного состояния как переходного на пути построения полицентричного порядка ставит вопрос о возможных сроках завершения перестройки международной системы.

Подобные оценки могли бы предложить представители экспертного сообщества путем выявления адекватных критериев сопоставления центров силы, сравнения их текущих потенциалов и перспектив изменения. Анализ соотношения возможностей выступает традиционным предметом дискуссии американских специалистов. В США преобладает стремление выявить единый интегральный показатель, который позволил бы обеспечить наилучшие возможности сравнения государств. Зачастую в качестве таковых используется измерение валового внутреннего потенциала.

В последнее время также находят применение и более сложные критерии. В частности, Национальный разведывательный совет при подготовке долгосрочных прогнозов обращает внимание, в первую очередь, на размер экономики, военные расходы, демографический ресурс и научно-технологические возможности

³ Даже те исследователи, которые пишут о растущей роли негосударственных игроков, признают, что государства сохраняют ведущую роль в политической системе мира (см. [24]). логичным следствием этого становится представление, что именно они как наиболее влиятельные субъекты представляют наибольшую угрозу друг для друга, даже если существуют и другие виды угроз.

■ Исследовательские статьи

[38, с. 16-17]. На основании этих показателей они приходят к выводу о сохранении американского преобладания в мире до середины 2030-х гг., после чего США в качестве ведущей державы сменит Китай.

Альтернативные попытки сопоставления центров силы связаны со стремлением не столько дать точную количественную оценку, сколько предложить содержательное объяснение распределению сил в мире. В частности, они представлены в недавней публикации У. Уолфорта и Ст. Брукса. Американские авторы выделяют контроль над общими пространствами (такими как мировой океан, воздушные пространства, киберсфера) в качестве основы американского доминирования в мире [49].

Сокращение разрыва между США и входящими странами (прежде всего, Китаем) в обладании различными ресурсами, по мнению Уолфорта и Брукса, не меняют этой фундаментальной характеристики современной среды. В результате, по их прогнозам, американоцентричный мир сохранится на ближайшие десятилетия, а полицентричная система так и останется утопией.

Уолфорт и Брукс, как и ряд других западных авторов [42], не видят противоречия между неудачами США на международной арене в 2000-х гг. и сохранением однополярности. Даже существенное ресурсное преобладание и контроль над общими пространствами не гарантируют гегемону желаемого преобладания в удалённых регионах мира и чужеродных социумах. В то же время его власть проявляется не только в том, что он делает, но и в том, что он не даёт делать другим.

В этом отношении позиция западных приверженцев идеи моноцентричного порядка сильно отличается от оценок российских авторов, которые, обращая внимание на провалы американской политики, делают вывод о неспособности единоличного доминирования США. За пределами весьма ограниченной группы публицистов представления американских специалистов о гегемонии остаются весьма консервативными⁴.

Несмотря на утверждение в отечественном исследовательском сообществе гипотезы о сравнительном ослаблении Соединённых Штатов, отдельные специалисты согласны с зарубежными коллегами, что гегемонистский порядок, пусть и в ослабленном виде, сохраняется [6]. В то же время, как отмечалось ранее, большинство экспертов убеждены в эволюции международной системы в полицентричную.

Большая часть российских авторов, публикующих работы по проблемам организации международной системы, приводят перечни

игроков, которые они относят к числу глобальных центров силы. Между этими списками наблюдается множество пересечений.

Тем не менее, в последние годы отечественные специалисты разработали ряд альтернативных подходов к выявлению и сопоставлению центров силы в современной международной системе. Наибольший интерес представляют концепция великодержавности Т.А. Шаклеиной; модель глобальной иерархии, предложенная научным коллективом ИМЭМО в рамках стратегического прогноза до 2030 г.; оценки перспектив нового мирового «концерта» транснациональной исследовательской группы при участии А.И. Никитина.

Т.А. Шаклеина при выделении ныне существующих и потенциальных центров силы предложила учитывать ряд материальных и нематериальных параметров (размеры территории, населения, экономики, уровень развития вооружённых сил, науки, культуры, образования). С некоторыми модификациями они соответствуют традиционным категориям ресурсов в международных отношениях. В то же время она обращает внимание на ряд специфических параметров: исторический опыт участия в мирорегулирующей деятельности, а также желание и волю действовать глобально. Таким образом, наряду с реалистскими категориями Т.А. Шаклеина использует конструктивистскую методологию intersubjectных взаимоотношений [35, с. 51-74].

На основе экспертной оценки автор заключает, что из всех государств, претендующих на великодержавный статус, сбалансированным потенциалом, основанным на высоких показателях по каждому из параметров, характеризуются лишь Соединённые Штаты. Россия и Китай демонстрируют высокие результаты по большинству выбранных критериев. При этом в отношении воли к участию в глобальном управлении последнего Т.А. Шаклеина высказывает сомнения.

Бразилия, Индия и Япония обладают лишь ограниченными возможностями влияния на мирорегулирование, и потому их отнесение к числу великих держав на обозримую перспективу представляется проблематичным. Европейский союз в связи с его коллективной природой и дефицитом централизма в принятии решений Т.А. Шаклеина не рассматривает, а отдельные европейские государства, по её мнению, не располагают достаточным потенциалом в соответствии с заявленными параметрами материальной мощи.

Предложенные оценки весьма схожи с выводами научного коллектива Института мировой экономики и международных отношений

---

⁴ Один из крупнейших американских теоретиков Дж. Миршаймер вообще заявляет о невозможности глобальной гегемонии, но он также соглашается с асимметричным состоянием современного мира, в котором США, выступая однозначным лидером в Западном полушарии, препятствуют возникновению аналогичных доминирующих государств в других регионах [41].

[32]. Вместе с тем последние признают коллективную субъектность Европейского союза, что расширяет число глобальных игроков. В соответствии с выявляемой ими неформальной иерархией выделяется четыре уровня центров силы. На верхней ступени глобальной иерархии находятся Соединённые Штаты, выступающие экономическим и технологическим лидером, а также сильнейшей в военном плане державой.

На втором уровне крупнейших мировых центров силы располагаются Европейский союз и Китай, приближающиеся по своему экономическому потенциалу к Соединённым Штатам. Третий уровень составляют региональные лидеры, а на четвёртом – находятся группы стран, обладающих ограниченными возможностями влияния на глобальные процессы. По мнению авторов прогноза, Россия балансирует между второй и третьей ступенями международной иерархии и в этом отношении её положение остается неустойчивым.

Различия в оценках Т.А. Шаклеиной и представителей ИМЭМО могут объясняться сравнительным весом военно-политических и экономических параметров в их анализе. Этим обосновывается неодинаковое положение России – в одном исследовании она фактически находится ближе всех к Соединённым Штатам, в другом – ей угрожает выпадение из круга глобальных игроков.

Сопоставление корректности методологий двух исследований осложняется преимущественно качественным характером оценок, их опорой на экспертное суждение, а не непосредственно на верифицируемые количественные данные, а также отсутствие весовой дифференциации используемых критериев. Между тем, показательным оказывается согласие различных исследователей относительно крайне ограниченного набора глобальных центров силы (фактически трёх, по оценкам Т.А. Шаклеиной, четырёх – в работе ИМЭМО) при наличии широкого круга региональных игроков.

Подобные оценки входят в противоречие с заявляемым российским политическим руководством тезисом о демократическом характере формирующейся полицентричной системы. По сути, речь идет о «триумвирате», в крайнем случае – о «тетрархии». Подобный мир представляется гораздо менее эгалитарным, чем международный порядок XIX столетия, в котором пять ведущих держав (Австро-Венгрия, Британия, Пруссия/Германия, Россия и Франция) при участии трех региональных центров силы (Италия, США, Япония) доминировали в системе, состоявшей всего из нескольких десятков стран.

Отличный подход к определению потенциальных центров силы XXI в. предложила международная группа экспертов в рамках разработки нового «концерта» [17], [25]. Результатом их работы стала система критериев, в которой гораздо меньшее значение играют материаль-

ные источники силы, и существенно большее внимание уделяется конструктивистским и институционалистским категориям признания и вовлеченности в работу международных организаций.

Тем не менее, почти половину из используемых параметров составляют материальные критерии численности населения, размера территории, валового национального продукта и военных расходов. Кроме них учитывается постоянное и непостоянное членство в Совете Безопасности Организации Объединенных Наций, участие в «группе двадцати», вклад в осуществление миротворческих операций ООН, влияние в регионе своего нахождения. Наконец, последним значимым параметром, по мнению авторов, выступает внутренняя стабильность в стране.

На основе этих критериев формируется картина, существенно отличающаяся от ранее приведённых. Высокие показатели по всем параметрам демонстрируют Бразилия, Европейский союз и Индия. Кроме того, к участию в глобальном «концерте» авторы считают необходимым привлечь еще семь стран, соответствующих большей части заявленных критериев (КНР, Россию, США, Индонезию, Мексику, Саудовскую Аравию, Японию). Также значимый международный потенциал по разным основаниям приписывается Австралии, Аргентине, Египту, Канаде, Турции, ЮАР, Южной Корее.

Исходя из этих оценок, число потенциальных участников нового мирового «концерта» может варьироваться от 10 до 17 стран, представляющих более половины мирового населения, более двух третей производства, и более 80% военных расходов планеты. А.И. Никитин в статье по итогам проекта отмечает возможность институционализации этой группы государств в регулярно действующую ассоциацию, а с течением времени, возможно, и организацию.

Таким образом, подготовленное международно-группой исследование ближе других подходит к разработке полноценной модели возможного полицентричного порядка. Предложенные параметры организации международной системы в полной мере соответствуют идеологическим постулатам, лежащим в основе российского официального дискурса. Вместе с тем и сформированный список возможных участников, и предполагаемый формат их взаимодействия весьма схожи с уже существующей «группой двадцати».

Между тем, опыт этой неформальной ассоциации не выглядит обнадеживающим. За время своей работы она позволила добиться согласования ряда позиций между странами и проведения некоторых реформ системы международного регулирования. Тем не менее, её деятельность не исключает возникновения острых конфликтов между ведущими державами (достаточно обратить внимание на напряженные отношения между Китаем и Японией, Россией и

■ Исследовательские статьи

Западом). Более того, в сфере развития институтов глобального управления встречи «группы двадцати» характеризуются снижающейся результативностью.

Российские разработки в области оценки потенциалов игроков на международной арене отличаются от западных существенно большей многомерностью, неготовностью сводить всё многообразие ресурсов политического влияния к одному интегральному показателю. Такой подход обогащает анализ, но одновременно затрудняет сопоставление стран и делает проблематичной верификацию выводов.

Трансформация международной среды в последние полтора десятилетия, которая заключается в децентрализации мировой системы при одновременном обострении противоречий между ведущими державами, представляет вызов российскому внешнеполитическому мышлению. Официальная позиция Москвы на протяжении всего постсоветского периода заключалась в отстаивании необходимости перехода к полицентричному (многополярному) миру. Со второй половины 2000-х гг. в её политических выступлениях фиксируется всё большая уверенность в поступательном развитии этого процесса. Тем не менее, увеличивается признание растущей конкуренции в международном взаимодействии.

Вклад российского исследовательского сообщества во внешнеполитический процесс мог бы состоять в объяснении наблюдаемых противоречий и путей их преодоления. В западной науке о международных отношениях было сформулировано предположение о принципиальной нестабильности полицентричной системы. Согласие с корректностью выводов зарубежных коллег означало бы постановку под сомнение соответствия нормативных установок российского руководства интересам страны.

На деле значительную часть отечественных разработок составляет критика гегемонистского порядка без достаточной рефлексии недостатков полицентричного мира. Одновременно в российском исследовательском сообществе присутствует и критическая традиция, заостряющая риски децентрализации системы. Тем не менее, отечественные исследователи до сих пор не смогли обосновать консолидирующий потенциал глобальных угроз для преодоления

противоречий между государствами, несмотря на неоднократное воспроизведение этой гипотезы.

Наконец, предлагаемые оценки соотношения потенциалов при всей их многомерности характеризуются достаточной аморфностью и недостаточным вниманием к дифференциации материальных потенциалов. В частности, в российских работах вариативность выделяемых критериев часто измеряется в рамках качественного оценивания (достаточность – недостаточность для глобального, регионального или иного статуса).

Между тем, если сопоставить затраты на оборону за последние десять лет, по данным Стокгольмского института мира, США опережают Китай почти в пять раз, Россию – в десять [46]. Если же добавить к американскому потенциалу военные расходы их союзников (государств-членов ЕС и Японии), становится очевидным, что современный мир остаётся чрезвычайно несбалансированным. Аналогичный анализ можно провести в отношении не только материальных потенциалов, но и институциональных позиций.

Во многих организациях (прежде всего, во Всемирном банке, МВФ, региональных финансовых институтах) возможности членов оказывать влияние на принятие решений существенно различаются. Соответственно, необходимы более тонкие инструменты анализа, чем модели, построенные на выделении только «минимального порога отсека» участников клуба.

В российских исследованиях международной системы сохраняется плюрализм мнений относительно направлений эволюции международного порядка. В то же время за рамками публикуемых работ остаются многие (в том числе, фундаментальные) вопросы организации международных взаимодействий. Это ограничивает возможности интеллектуального влияния отечественного экспертного сообщества на внешнюю политику страны.

Развитию отечественных исследований международной системы способствовало бы большее внимание к теоретическим разработкам в этой области и стремление к повышению верифицируемости аналитических выводов, что позволило бы сделать их более убедительными.

Список литературы

1. Баталов Э.Я. К пониманию миропорядка (эволюция концепций) // Прогнозы и стратегии. 01/2008-01/2009. С. 22-29.
2. Батюк В. И. Российско-американское партнёрство в постбиполярной системе международных отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 9. С. 3-18.
3. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. №. 1. С. 54-69.
4. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. №4. С. 5-15.

5. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2003. №1. С. 6-23.
6. Богданов А. Американская гегемония и факторы системной нестабильности в XXI веке // Международные процессы. 2014. Т. 12. №3. С. 8-22.
7. Внешняя политика и безопасность современной России, 1991-2002: хрестоматия. В 4 т. М.: РОССПЭН, 2002. 537 с., 445 с., 489 с., 535 с.
8. Гаджиев К. К полицентрическому миропорядку // Полис. Политические исследования. 2007. №4. С. 8-23.
9. Гаджиев К. Принципы самоорганизации полицентрического миропорядка // Власть. 2012. №6. С. 162-166.
10. Дугин А. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2013. 532 с.
11. Ельцин Б.Н. Заявление Президента Российской Федерации. 24.03.1999. // Журнал "Дипломатический вестник", апрель 1999 год. Официальные материалы. URL: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/5391756565aad624c325688700436c5e!OpenDocument (дата проверки 26.10.2016).
12. Караганов С. Недалекое будущее: Податливый и опасный мир. 26.02. 2007. URL: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (дата проверки 26.10.2016).
13. Коновалов А.А. Мир не должен быть многополярным // Россия в глобальной политике, 16.09.2008. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html (дата проверки 26.10.2016).
14. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 28 июня 2000 года. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата проверки 26.10.2016).
15. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым 15 июля 2008 года. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата проверки 26.10.2016).
16. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата проверки 26.10.2016).
17. «Концерт великих держав» XXI века – многосторонний диалог великих держав в пост-трансатлантическую эпоху / под ред. А.И. Никитин. М.: МГИМО-Университет, 2015. 79 с.
18. Кортуннов С.В. Становление нового мирового порядка // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 77-94.
19. Косолапов Н.А. Внешнеполитическое сознание: категория и реальность // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 207-222.
20. Кременюк В.А. Россия вне мирового общества // Международные процессы. 2006. №4. С. 52-61.
21. Кулагин В.М. Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica? // Полис. Политические исследования. 2000. №1. С. 23-37.
22. Лавров С.В. Выступление на XXIV Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 9 апреля 2016 года. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2217269 (дата проверки 26.10.2016).
23. Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2007. №2. С. 8-20.
24. Лебедева М.М. Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила // «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты / Под ред. М.М.Лебедевой. М.: Голден Би, 2008. 284 с.
25. Никитин А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: концерт или конфронтация? // Полис. Политические исследования. 2016. №1. С. 44-59.
26. Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2002. №1. С. 78-99.
27. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10. С. 3-13.
28. Путин В.В. Выступление на Заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2014 года. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата проверки 26.10.2016).
29. Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. // Администрация Президента России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата проверки 26.10.2016).

■ Исследовательские статьи

---

30. Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. №3. С. 27-37.
31. Сирота Н.М. Деполяризация и полицентризация политической структуры мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №5. С. 164-168.
32. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. ак. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2011. 480 с.
33. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. №4. С. 6-19.
34. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН, 2002. 443 с.
35. Шаклеина Т.А. Россия и США в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
36. Alexandroff A. Before the War: Three Styles of Diplomacy // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / ed. by R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. 290 p.
37. Christensen T., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: predicting alliance patterns in // International Organization. 1990. Vol. 44. No. 2. Pp. 137-168.
38. Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council. Pp. 16-17. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения 19.04.2016).
39. Haas P.M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination // International organization. 1992. Vol. 46. No. 01. Pp. 1-35.
40. Lo B. Russia and the New World Disorder. Washington: Brookings, 2015. 336 p.
41. Mearsheimer J. Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
42. Nye J.S. Is the American Century Over? Malden: Polity Press, 2015. 146 p.
43. Organski A.F.K. World Politics. New York: Knopf, 1958. 461 p.
44. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
45. Rosecrance R. Allies, Overbalance and War // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / ed. By R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2014. Pp. 45-56.
46. SIPRI Military Expenditure Database 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (дата обращения 01.05.2016).
47. Stein A.A. Power Politics and Powerless // Back to Basics: State Power in a Contemporary World / ed. By M. Finnemore, J. Goldstein. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 219-248.
48. Waltz K.N. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
49. Wohlforth W., Brooks St. The Once and Future Superpower // Foreign Affairs. 2016. No. 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (дата обращения 28.04.2016)

Об авторе

Истомин Игорь Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО. E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-23-41004.

EVALUATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM IN RUSSIAN OFFICIAL DISCOURSE AND ACADEMIC ANALYSIS

I.A. Istomin

Moscow State Institute of International Relations, MFA RF. 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo, 76.

Abstract: *The article draws a comparison between Russian official and expert foreign policy discourses, focusing on representations of the power balance and relations between major states as the defining features of international system. The author attempts to identify actual and potential contribution of academics in the Russian foreign policy thinking. Conceptual documents and programme statements of national leadership elevate the notion of 'polycentric world' as a value in itself, which guides national actions on international arena. Although, until the late 2000s its rise was perceived as a welcome, but*

remote prospect, since the U.S. failures in Iraq and Afghanistan as well as global financial crisis expectations regarding it construction increased. They are accompanied, however, by a more critical appraisal of the concept. The mainstream Russian expert community shares normative appreciation of the polycentric global system as an intrinsic good. It also nourishes expectations of its emergence with almost inevitable certainty. Most of the time, it does not take into account concerns incorporated in the Western IR theories, regarding destabilizing effect of competition between multiple centers of power. The article demonstrates that both Russian political leadership and expert community perceive polycentric system as an international 'great power concert', which is just one and relatively rare form of it. It requires not only virtual parity in capabilities of several players, but also the lack of serious disputes among them. Meanwhile, in the Russia academic community there is a place for a critical tradition, which associates current decentralization of the international system with its chaotization and weakening governance. In recent years this approach gains additional prominence. However, the Russian debates on global order lacks more elaborated discussion regarding sources of power in international system as well as explanation of the binding ties, which would facilitate creation of concert rather than competition among emerging powers.

Key words: international system, foreign policy discourse, epistemic communities, polycentric world, unipolarity, academic community, political discourse, foreign policy, Russia, USA, centers of power, great powers, balance of power.

References

1. Batalov E.Ia. K ponimaniuu miroporiadka (evoliutsiia kontseptsii) [Towards Understanding of the World Order (Evolution of the Concept)]. *Prognozy i strategii – Forecasts and Strategies*, 01/2008-01/2009, pp. 22-29. (In Russian)
2. Batiuk V. I. Rossiisko-amerikanskoe partnerstvo v postbipoliarnoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii [Russian-American Partnership in a Post-Bipolar System of International Relations]. *SShA – Kanada: ekonomika, politika, kul'tura – U.S. – Canada: Economy, Politics, Culture*, 2010, no. 9, pp. 3-18. (In Russian)
3. Bogaturov A. Tri pokoleniia vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three Generations of Russian Foreign Policy Doctrines]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2007, vol. 5, no. 1, pp. 54-69. (In Russian)
4. Bogaturov A.D. Liderstvo i detsentralizatsiia v mezhdunarodnoi sisteme [Leadership and Decentralization in International System]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2006, no. 4, pp. 5-15. (In Russian)
5. Bogaturov A.D. Mezhdunarodnyi poriadok v nastupivshem veke [International Order in the New Century]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2003, no. 1, pp. 6-23. (In Russian)
6. Bogdanov A. Amerikanskaia gegemoniia i faktory sistemnoi nestabil'nosti v XXI veke [American Hegemony and Factors of System Instability in 21st Century]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2014, vol. 12, no. 3, pp. 8-22. (In Russian)
7. *Vneshniaia politika i bezopasnost' sovremennoi Rossii, 1991-2002: khrestomatiia* [Foreign Policy and Security of the Current Russia, 1991-2002: Reader]. In 4 Vol. Moscow: ROSSPEN Publ., 2002. 537 p., 445 p., 489 p., 535 p. (In Russian)
8. Gadzhiev K. K politsentricheskomu miroporiadku [Towards Polycentric World Order]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2007, no. 4, pp. 8-23. DOI: 10.17976/jpps/2007.04.02 (In Russian)
9. Gadzhiev K. Printsipy samoorganizatsii politsentricheskogo miroporiadka [Principles of Self-Organization of the Political World Order]. *Vlast' – Power*, 2012, no. 6, pp. 162-166. (In Russian)
10. Dugin A. *Teoriia mnogopoliarnogo mira* [Theory of Multipolar World]. Moscow: Evraziiskoe dvizhenie Publ., 2013. 532 p. (In Russian)
11. El'tsin B.N. *Zaiavlenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii* [Statement of the President of the Russian Federation]. 24.03.1999. Available at: http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/5391756565aad624c325688700436c5e!OpenDocument (Accessed 26.04.2016) (In Russian)
12. Karaganov S. Nedalekoe budushchee: Podatlivyi i opasnyi mir [Recent Future: Amenable and Dangerous World]. *GlobalAffairs.ru*, 26.02.2007. Available at: http://www.globalaffairs.ru/pubcol/n_8063 (Accessed 24.04.2016) (In Russian)
13. Konovalov A.A. Mir ne dolzhen byt' mnogopoliarnym [World Should Not Be Multipolar]. *NG-Politika*, 16.09.2008. Available at: http://www.ng.ru/ng_politics/2008-09-16/16_peace.html (Accessed 21.04.2016) (In Russian)
14. *Kontseptsiiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V. Putiny 28 iyunia 2000 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, signed by the President of the Russian Federation V.V. Putin. June 28, 2000]. Available at: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BE FED61134325699C003B5FA3> (Accessed 20.04.2016) (In Russian)

■ Исследовательские статьи

---

15. *Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii D.A. Medvedevym 15 iulia 2008 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, Signed by the President of the Russian Federation D.A. Medvedev. June 15, 2008]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (Accessed 20.04.2016) (In Russian)
16. *Kontsepsiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii, utverzhdenaia Prezidentom Rossiiskoi Federatsii V.V.Putiny 12 fevralia 2013 goda* [Concept of Foreign Policy of the Russian Federation, signed by the President of the Russian Federation V.V. Putin. February 12, 2013]. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (Accessed 20.04.2016) (In Russian)
17. «*Kontsert velikikh derzhav*» XXI veka – mnogostoronnii dialog velikikh derzhav v post-transatlanticheskuiu epokhu [‘Great Power Concert’ of the 21st Century – Multilateral Dialogue of the Great Powers in the Post-Transatlantic Age]. Ed. by A.I. Nikitin. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2015. 79 p. (In Russian)
18. Kortunov S.V. Stanovlenie novogo mirovogo poriadka [Emergence of the New World Order]. *Mezhdunarodnaia zhizn' - International Life*, 2002, no. 6, pp. 77-94. (In Russian)
19. Kosolapov N.A. Vneshnepoliticheskoe soznanie: kategorii i real'nost' [Foreign Policy Thinking: Category and Reality]. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays of Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO Publ., 2002. Pp. 207-222. (In Russian)
20. Kremeniuk V.A. Rossiia vne mirovogo obshchestva [Russia outside of World Society]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2006, no. 4, pp. 52-61. (In Russian)
21. Kulagin V.M. Mir v XXI veke: mnogopoliusnyi balans sil ili Pax Democratica? [World in the 21st Century: Multipolar Balance of Power or Pax Democratica?]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2000, no. 1, pp. 23-37. (In Russian)
22. Lavrov S.V. *Vystuplenie na XXIV Assamblee Soveta po vneshnei i oboronnoi politike, Moskva, 9 apreliia 2016 goda* [Statement at XXIV Assembly of the Council for Foreign and Defense Policy, Moscow, April 9, 2016]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2217269 (Accessed 18.04.2016) (In Russian)
23. Lavrov S.V. Nastoiashee i budushchee global'noi politiki: vzgliad iz Moskvy [Present and Future of Global Politics: Moscow View]. *Rossiia v global'noi politike - Russia in Global Politics*, 2007, no. 2, pp. 8-20. (In Russian)
24. Lebedeva M.M. Politicheskaiia sistema mira: proiavleniia «vniesistemnosti» ili novye aktory – starye pravila [Political System of the World: Reflections of “non-systematic” issues or New Actors – Old Rules]. «*Privatizatsiia*» mirovoi politiki: lokal'nye deistviia – global'nye rezul'taty [“Privatization” of the World Politics: Local Actions – Global Results]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow, Golden Bi Publ., 2008. P. 53-66. (In Russian)
25. Nikitin A.I. Novaia sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: kontsert ili konfrontatsiia? [New System of Relations among Great Powers of the 21st Century: Concert or Confrontation]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2016, no. 1, pp. 44-59. DOI: 10.17976/jpps/2016.01.04 (In Russian)
26. Nikonov V.A. Nazad, k kontsertu [Back to the Concert]. *Rossiia v global'noi politike - Russia in Global Politics*, 2002, no. 1, pp. 78-99. (In Russian)
27. Primakov E.M. Mezhdunarodnye otnosheniia nakanune XXI veka: problemy, perspektivy [International Relations on the Eve of the 21st Century: Problems, Prospects]. *Mezhdunarodnaia zhizn' - International Life*, 1996, no. 10, pp. 3-13. (In Russian)
28. Putin V.V. *Vystuplenie na Zasedanii Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» 24 oktiabria 2014 goda* [Statement at the Meeting of the International Discussion Club “Valdai” October 24th 2014]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (Accessed 16.04.2016) (In Russian)
29. Putin V.V. *Vystuplenie na Miunkhenskoii konferentsii po voprosam politiki bezopasnosti* [Statement at Munich Security Conference]. 10.02.2007. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Accessed 16.04.2016) (In Russian)
30. Simoniia N.A., Torkunov A.V. Novyi mirovoi poriadok: ot bipoliarnosti k mnogopoliusnosti [New World Order: from Bipolarity to Multipolarity]. *Polis. Politicheskie issledovaniia – Polis. Political Studies*, 2015, no. 3, pp. 27-37. DOI: 10.17976/jpps/2015.03.03 (In Russian)
31. Sirota N.M. Depoliarizatsiia i politsentrizatsiia politicheskoi struktury mira [Depolyarization and Emergence of the Polycentrism in the World Political Structure]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki - Historic, Philosophic and Legal Sciences, Culture and Art Studies. Theoretical and Practical Issues*, 2013, no. 5, pp. 164-168. (In Russian)
32. *Strategicheskii global'nyi prognoz 2030. Rasshirennyi variant* [Strategic Global Forecast 2030. Extended Version]. Ed. by A.A. Dynkin. Moscow: Magistr Publ., 2011. 480 p. (In Russian)
33. Shakleina T.A. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and Current World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy - International Trends*, 2015, vol. 13, no. 4, pp. 6-19. DOI 10.17994/IT.2015.13.4.43.1 (In Russian)
34. Shakleina T.A. *Rossiia i SShA v novom mirovom poriadke. Diskussii v politiko-akademicheskikh soobshchestvakh Rossii i SShA (1991-2002)* [Russia and the U.S. in the New World Order. Discussion in Political and Academic

- Communities of Russia and the U.S. (1991-2002)]. Moscow: Institut SSHA i Kanady RAN, 2002. 443 p. (In Russian)
35. Shakleina T.A. *Rossia i SSHA v sovremennom mire* [Russia and the U.S. in Contemporary World]. Moscow: Aspekt Press, 2012. 272 p. (In Russian)
  36. Alexandroff A. Before the War: Three Styles of Diplomacy. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Ed. by R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2015. 290 p.
  37. Christensen T., Snyder J. Chain gangs and passed bucks: predicting alliance patterns in. *International Organization*, 1990, vol. 44, no. 2, pp. 137-168.
  38. *Global Trends 2030: Alternative Worlds*. National Intelligence Council. Pp. 16-17. URL: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (Accessed 19.04.2016)
  39. Haas P.M. Introduction: epistemic communities and international policy coordination. *International organization*, 1992, vol. 46, no. 01, pp. 1-35. <http://dx.doi.org/10.1017/S0020818300001442>
  40. Lo B. *Russia and the New World Disorder*. Washington: Brookings, 2015. 336 p.
  41. Mearsheimer J. *Tragedy of Great Power Politics*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 561 p.
  42. Nye J.S. *Is the American Century Over?* Malden: Polity Press, 2015. 146 p.
  43. Organski A.F.K. *World Politics*. New York: Knopf, 1958. 461 p.
  44. Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
  45. Rosecrance R. Allies, Overbalance and War. *The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict*. Ed. By R. Rosecrance, St. E. Miller. Cambridge: MIT Press, 2014. Pp. 45-56.
  46. *SIPRI Military Expenditure Database 2015*. URL: http://www.sipri.org/research/armaments/milex/milex_database (Accessed 1.05.2016)
  47. Stein A.A. Power Politics and Powerless. *Back to Basics: State Power in a Contemporary World*. Ed. by M. Finnemore, J. Goldstein. Oxford: Oxford University Press, 2013. Pp. 219-248.
  48. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
  49. Wohlforth W., Brooks St. The Once and Future Superpower. *Foreign Affairs*, 2016, no. 3. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (Accessed 28.04.2016)

About the author

Igor Istomin – PhD, Senior Lecturer, Department of Applied International Political Analysis, MGIMO University.
E-mail: i.istomin@inno.mgimo.ru.

This article was prepared with the financial support of grant №16-23-41004 RHF.